

3 НАЕСКОЛЬКО десятилетий в Киргизии создан национальный хореографический театр такого уровня и масштаба, для формирования которого нужен куда больший срок. До Великой Октябрьской революции здесь не было не только балетного театра, но и даже традиций народного танца. Теперь же мы увидели в Москве сложные хореографические спектакли, вдохновленные народными легендами и сказаниями, передающие сложный темп современности, мы убедились, что мастера балета республики успешно осваивают прекрасные произведения классической хореографии, как «Лебединое озеро», «Шопениана», «Жизель», которая была показана во время гастролей.

Балет М. Раухвергера «Чолпон» — прекрасная легенда о верной и чистой любви, об извечной борьбе добра со злом, о победе света. Широко используя народные мелодии, ритмы, композитор придает им возвышенно-романтическое, увлекательно-театральное звучание. Его партитура создает великолепную основу для многокрасочного и действенного зрелища. Так же театрально выигрышно и оформление художника А. Арёфьева — его фантазия создает на сцене чудеса сказочных преобразений и превращений.

Наиболее яркий сказочный образ балета — злая Айдай. Она представлена в двух обликах — в образе уродливой, жестокой старухи и обольстительной коварной красавицы. Артистке, исполняющей эту роль, требуется немало мастерства, чтобы добиться внутреннего единства, сложного и противоречивого облика. Партию Айдай танцует Б. Бейшеналиева, прославленная киргизская балерина, ставшая в один ряд с крупнейшими мастерами советского балета. Она создает образ не только театрально эффектный, значительный, но и психологически сложный. Невзлюбимая злорадность переплетается у Айдай с жестокой ревностью, тщеславием, болью, и за сказочным образом в столкновении актрисы вырисовывается живой человеческий характер. Артисты, исполняющие партию Чолпон (А. Токмобева) и Нурдина (У. Сарбагышев), создают дуэт редкой пластической мягкости, чистоты, внутренней одухотворенности. Облик внешнего облика Токмобево, мягкость, красота певучего танца при серьезной хореографической школе представляют ее талантливой лирической танцовщицей.

К сожалению, балетмейстер И. Туговой не до конца использует возможности музыки М. Раухвергера, и некоторые его композиции лишены настоящего образного накала, все отличается безупречной музыкальностью. Несколько монотонен и тривиален рисунок дуга, в котором хотелось бы видеть больше богатства хореографических оттенков, нюансов. Спектакль был бы более динамичен и действен, если бы тема борьбы Чолпон со злыми силами была решена конфликтно-действенно.

Несмотря на эти недостатки, спектакль хорошо принимается зрителями, ибо в нем, как уже говорилось выше, живет яркое сказочное и национальное начало. Оно живет в интересной партии Айдай, в выразительных танцах Джина (артист Т. Шаршеев), во многих массовых танцах, изображающих то восторженных, злых преследователей Айдай, то ликующий народ, радующийся победе добра над злом.

Закономерен путь киргизского театра от сказочно-эпических спектаклей к балетам на тему современности. Известно, что именно эта тема представляет для балетного искусства наибольшую трудность. И то, что киргизский театр берет за такую задачу и успешно решает ее в таком спектакле, как «Асель» (музыка В. Власова), свидетельствует о его несомненной художественной зрелости.

Естественно, что киргизский театр не мог пройти мимо образов, созданных замечательным киргизским писателем Ч. Айтматовым в

дельной лаконичности, сдержанности внешних приемов и средств она создает образ, пленяющий удивительной женственностью и достоинством. Актриса убедительно соединяет мягкость и нежность Асели с ее непоколебимой твердостью, гордостью, со строгим, требовательным отношением к жизни и к людям. Целомудренная, благородная лирика айтматовской прозы получает наиболее тонкое пластическое воплощение в талантливой психологической игре Бейшеналиевой, правдивости и искренности ее сценических эмоций. Артистка С. Молдобасарова в роли

светлого и радостного впечатление, потому что его героиня обладает светлой нравственной силой, способной преодолеть любые жизненные горести и испытания.

На сцене киргизского театра идут многие произведения хореографической классики. И вполне закономерно, что одно из них — балет «Жизель» — был включен в гастрольный репертуар. Правда, несколько спорным представляется, что «Жизель» идет в один вечер с камерным произведением на музыку «Бодеро» Равеля. Балетмейстера С. Абдужалылова привлекала задача создания полифонической танцевальной картины, передающей изумительное ритмическое и динамическое нарастание музыки Равеля. Этому замыслу соответствует и решение художником А. Арёфьевым сценического пространства, когда на разных плоскостях располагаются интересно вылепленные группы танцующих. Этому замыслу отвечает и тщательным образом разработанная гамма костюмов, и прием многократного повторения ансамбля танцевальных тем солистки, технические и темпераментно выполняемых С. Молдобасаровой. Но, к сожалению, верный замысел не нашел убедительного воплощения. Лейтмотивы оказались разнообразными и бедными, в главное, они не получили подлинного полифонического развития. Весьма странным кажется, что балетмейстер вводит в свои композиции элементы движения современного западного танца типа твист. Это никак не соответствует духу и стилю музыки Равеля. Киргизский балет, несомненно, испытывает самое благотворное влияние прославленной академической школы ленинградского балета, многие видные киргизские танцовщики и танцовщицы являются воспитанниками этой школы.

Это влияние ясно видно в спектакле «Жизель», бережно в известной ленинградской редакции восстановленном К. Тер-Степановой и отлично отрепетированном И. Левченко и Р. Уразгильдеевым. Главные исполнители и артисты кордебалета хорошо чувствуют стиль балета, стремятся сохранить чистоту и строгость классических композиций. Р. Чокоева создает трогательный образ Жизели. Музыкальность актрисы, тщательное выполнение всех танцевальных нюансов партии, мягкая кантиленность танца делают ее достойной исполнительницей одной из самых трудных партий классического репертуара.

Б. Алимбаев, танцующий партию Альберта, следует замечательной традиции одного из лучших исполнителей этой роли — К. Сергеева. Альберт Алимбаева — герой романтического спектакля, благородный и изящный в манере сценического поведения, легкий и грациозный в танце. Устремленность прыжков, неслышность приземлений, чуткость пластического аккомпанемента в дуэтом танце позволяют ему, верно воплотить нужный характер.

В своих гастрольных спектаклях киргизские балетные актеры обнаружили подлинную хореографическую и сценическую культуру (что особенно очевидно в воплощении жемчужины мировой хореографии — балета «Жизель»), яркую театральность, умение придать танцу самобытный национальный колорит в балете «Чолпон» и, наконец, смелость и правдивость в создании образов современности, которым посвящен балет «Асель».

Н. ЭЛЬЯШ.

БАЛЕТ

Сцена из балета «Асель». В заглавной роли — народная артистка СССР Б. Бейшеналиева. Фото А. Бертика.

КИРГИЗИИ

повести «Тополек мой в красной косынке», образов, в которых с такой точностью и глубиной воплощена поэтическая душа народа. Балет Власова «Асель» впервые был воплощен на сцене Большого театра. Уже одно это налагало большую ответственность на молодого киргизского балетмейстера У. Сарбагышева. К его чести, он не пошел по пути повторения и подражания. Созданный им спектакль самостоятелен и самобытен. Может быть, самое ценное в нем то, что балетмейстер, стремясь к созданию симфонически развитых хореографических композиций, к сложной полифонии танцев, сумел насытить спектакль тонкими национальными чертами и нюансами. Здесь нет подерзости национального пластического орнамента, прямых цитат народных плясок. Национальная тема раскрывается как бы изнутри в особой поэтической цельности, характере его героев. Прежде всего это относится к главной героине балета Асель — Бейшеналиевой. При пре-

Кадичи прибегает к краскам более резким и острым, в ее танце есть и напряженный драматизм, и немного подчеркнутая бравада внутренне отчаявшегося человека. Интересны мужские образы балета. Б. Арунов в технически сильном, смелом и экспрессивном танце передает порывы, падения и взлеты необузданного и горячего Ильяса. Его артистический темперамент заставляет верить в сложные и крутые повороты судьбы Ильяса, глубину его раскаяния, искренность нравственного прозрения. У. Сарбагышев в роли Байтемира суров и сдержан. Но за этой мужественно-благородной сдержанностью ясно ощущаются и боль, и одиночество, глубокая нежность к Асели и способность к самоутверждению.

Художник А. Арёфьев своим оформлением стремится создать общенационально-поэтические образы киргизской природы, причём образы эти неразрывно связаны с душевным состоянием героев.

Спектакль оставляет удивительно